

КНЯЗЬ МЕНЬШИКОВЪ
и
ГРАФЪ МОРИЦЪ САКСОНСКІЙ
ВЪ КУРЛЯНДІИ.

КНЯЗЬ МЕНЬШИКОВЪ
И
ГРАФЪ МОРИЦЪ САКСОНСКІЙ
ВЪ КУРЛЯНДИИ

1726—1727.

П. К. ЩЕВАЛЬСКАГО.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И КО.
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ Москва, 18-го января 1860 года.**

Цензоръ Н. Гиллровъ-Платоновъ.

Договоромъ, заключеннымъ 1561 года, ноября 28-го, между польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ и гротмейстеромъ ливонскихъ рыцарей, Готгардомъ-Кетлеромъ, Курляндія (въ теперешнихъ границахъ ея) возводилась въ самостоятельное герцогство подъ управленіемъ династіи Кетлеровъ, наследственное въ нисходящей линіи этого дома, и подъ верховнымъ покровительствомъ польскаго королевства.

Договоръ этотъ, называемый *pacta subjectionis*, предоставлялъ герцогамъ всѣ права независимыхъ государей, за исключеніемъ права объявлять войну; они содержали небольшое національное войско, чеканили монету съ своимъ изображеніемъ, вели дипломатическія сношенія, лишь бы сношенія эти не противорѣчили политикѣ покровительствующей державы. Курляндія имѣла собственную казну, изъ которой производились расходы на общественныя надобности, имѣла совершенно самостоятельное внутреннее управленіе, во главѣ котораго былъ совѣтъ герцогскій, называвшійся верховнымъ *Ober Rath*, и наконецъ свое государственное господствующее вѣроисповѣданіе,—протестантское, къ которому былъ обязанъ принадлежать герцогъ.

Такія отношенія не удовлетворяли однакожь ни Польши, ни Курляндіи; каждая сторона имѣла свои особые виды, преслѣдовала свои отдѣльные интересы и недовѣрчиво смотрѣла на дѣйствія другой стороны; естественное желаніе Курляндіи, какъ каждой нѣсколько самостоятельной страны, сохранить свой языкъ, свою религію и свое внутреннее управленіе неприкосновенными, казалось подозрительнымъ польскому правительству и католическому духовенству, значеніе котораго, какъ извѣстно, усиливалось въ Польшѣ по мѣрѣ того, какъ оно ослабѣвало въ остальной Европѣ. Но чѣмъ сильнѣе было стремленіе Польши притянуть къ себѣ Курляндію, тѣмъ болѣе она наклонялась къ единовѣрной и единокровной Германіи (1). Протестантское духовенство съ твердостью отстаивало свою самостоятельность противъ католическаго прозелитизма, а дворянство курляндское,—германское по происхожденію,—было не менѣе гордо и исключительно, и болѣе образовано чѣмъ польское. При такихъ условіяхъ побѣда не могла остаться на сторонѣ польской національности, и преобладаніе Польши ограничивалось исключительно правительственной сферой; молодые люди лучшихъ курляндскихъ фамилій, даже герцогскаго дома, ѣздили учиться въ германскіе университеты, не рѣдко поступали на службу къ германскимъ владѣтелямъ и часто женились въ Германіи, а герцогскій домъ имѣлъ постоянныя связи съ Бранденбургскимъ (2).

Такія, не совсѣмъ дружелюбныя отношенія между покровительствующимъ и покровительствуемымъ народами, сдѣлались еще непріязненнѣе, когда на польскій престолъ взошелъ Августъ, курфирстъ Саксонскій. Имѣя постоянно передъ собою великій идеалъ тогдашнихъ французскихъ королей, онъ всю свою жизнь посвятилъ заботѣ о возвеличеніи своей династіи, которую ему хотѣлось утвердить наследственнымъ образомъ на тронѣ Пастовъ и, дѣйствіемъ сильной политической и духовной централизаціи, слить подъ ея державой всѣ различныя народности польскаго государства. Для осуществленія этой

(1) Это относится собственно до дворянства курляндскаго; но въ эти времена значеніе другихъ гражданскихъ сословій было почти во всѣхъ государствахъ такъ ничтожно, что они не имѣли никакого вѣса въ общественныхъ и государственныхъ вопросахъ.

(2) *Kurland unter den Herzögen*, v. Kruse, также *Briefe aus und nach Kurland etc.*, v. Mirbach.

идеи и для пріобрѣтенія содѣйствія ей со стороны Россіи, онъ готовъ былъ даже уступить намъ часть польской территоріи (1); подъ ея вліяніемъ онъ началъ войну съ Карломъ XII, вопреки желанію народа; подъ ея же вліяніемъ, наконецъ, онъ началъ дѣло о курляндскомъ престолонаслѣдіи, которое и составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

Вскорѣ по вступленіи Августа II на польскій престолъ (1697), скончался курляндскій владѣтельный герцогъ Фридрихъ Казимиръ (1698), оставивъ единственною отраслю Кетлерова дома въ прямой нисходящей линіи шести-лѣтняго сына, Фридриха-Вильгельма. Антагонизмъ между Польшей и Курляндіей при этомъ случаѣ обнаружился тѣмъ, что курляндское дворянство, сновываясь на своей конституціи, хотѣло предоставить регентство оберъ-рату; но въ Варшавѣ толковали ту же самую конституцію иначе: рѣчь посполитая назначила герцогомъ, опекуномъ и правителемъ (*dux, tutor et administrator*) брата покойнаго герцога, Фердинанда, человѣка нелюбимаго въ Курляндіи, исповѣдывавшаго католическую вѣру, проживавшаго внѣ курляндскихъ предѣловъ, въ Данцигѣ, подъ вліяніемъ католическаго духовенства и польскаго правительства.

Здѣсь надобно замѣтить и не терять изъ виду, что польское правительство и польскій король весьма часто являются представителями совершенно различныхъ между собою, и даже противоположныхъ интересовъ. Въ настоящемъ вопросѣ, какъ это ясно раскроется изъ разказа нашего, они сходились въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и діаметрально расходились въ другихъ; какъ польское правительство, такъ и король Августъ неблагоклонно смотрѣли на самостоятельность Курляндіи; и польскій народъ, и саксонскій принцъ желали бы лишить ее этой самостоятельности, но, разумѣется, каждый въ свою пользу: первый въ пользу своей національности, второй въ пользу своей династіи. Это необходимо постоянно держать въ памяти, какъ Аріаднину нить, посреди многоразличныхъ интересовъ, столкнувшихся въ событіи, къ описанію котораго приближаемся.

(1) Это видно между прочимъ изъ любопытнаго документа называемаго: *Мнѣніе російскихъ министровъ, какимъ образомъ поступать при заключеніи союза съ польскимъ и прусскимъ дворами*, еще не издавнаго, какъ и большая часть русскихъ матеріаловъ, которые будутъ приводимы въ этой статьѣ.

Какъ скоро раздались первые выстрѣлы великой сѣверной войны, администраторъ Курляндіи, — такъ называютъ его въ нашихъ современныхъ бумагахъ, — поспѣшилъ присоединить свою маленькую армію къ саксонской, находившейся въ окрестностяхъ Риги, подъ командой фельдмаршала Штейнау. Въ началѣ 1701 года шведскій король, покончивъ съ Русскими подъ Нарвой, обратился противъ Саксонцевъ; однимъ, можно сказать, взмахомъ руки опрокинулъ Штейнау, вступилъ въ Курляндію, безъ сопротивленія занялъ Митаву, и оставивъ въ ней гарнизонъ, поспѣшилъ вслѣдъ за саксонскими войсками. Что же касается до администратора, то, участвуя въ сраженіи подъ Нарвой съ подозрительною храбростію, онъ прямо съ поля битвы кинулся въ экипажъ, и проскакалъ чрезъ свою столицу въ Данцигъ, откуда по волѣ судьбы управлялъ государствомъ около сорока лѣтъ: примѣръ едва ли не единственный въ исторіи!

Курляндія, недовольная участіемъ своего герцога въ войнѣ обременительной и бесполезной, охотно подчинилась Шведамъ, но владычество ихъ тамъ было не прочно. Карлъ XII, гоняясь за лаврами въ Германіи, казалось, вовсе позабылъ о Россіи и считалъ ее повидимому, совершенно уничтоженною. Онъ сильно ошибался. Какъ ни страшно было въ самомъ дѣлѣ ея пораженіе, она скоро оправилась, и Шереметевъ, не шумными, но постоянными своими успѣхами, не замедлилъ загладить громкое безславіе Дюка-де-Кроа. Въ 1703 году русскій отрядъ, подъ командой Курляндца Ренне, безъ сопротивленія занялъ Митаву (1), и съ этого времени начинается постепенное склоненіе маленькаго герцогства въ притягательную сферу огромной имперіи, которая безъ шума, но прочно утверждала свое владычество на берегахъ Балтійскаго моря.

Въ самомъ дѣлѣ, города Шлиссельбургъ, Нарва, Ревель и наконецъ Рига, одинъ за другимъ покорялись русскому оружію и сохраняли при этомъ свои старинныя учрежденія, свои права и свободу совѣсти. Рижская торговля быстро оживилась (2), а въ глубинѣ финскаго залива возникла молодая русская столица, направляясь къ которой, начинали мелькать въ виду курляндскихъ береговъ торговые флаги всѣхъ націй. Наконецъ пол-

(1) *Curland etc.*, также *Gesch. d. deutsch. Ostseeprovinz*, v. Richter.

(2) *Considérations sur l'état de la Russie*, въ *Oeuvres posthumes de Fréd. II.*

тавское сраженіе дало Россіи огромное преобладаніе въ дѣлахъ всей восточной Европы. Петръ помогаетъ Августу возвратить себѣ польскій престолъ, съ котораго онъ былъ низведенъ Карломъ XII; побѣжденная партія Станислава Лещинскаго, прибѣгаетъ къ его посредничеству, и онъ убѣждаетъ новаго короля забыть и простить. Онъ дѣлается главой и центромъ новаго, обширнѣйшаго союза противъ Швеціи, въ который привлекаетъ, кромѣ Польши и Даніи, Пруссію; король польскій устраиваетъ ему торжественную встрѣчу въ Варшавѣ, король прусскій выѣзжаетъ для свиданія съ нимъ на границу своего государства.

Могла ли, при такомъ состояніи дѣлъ, Курляндія оставаться чуждою вліянію Петра? Естественно ли было и Петру въ свою очередь не пожелать утвердиться въ странѣ, составлявшей естественное, этнографическое дополненіе къ Остзейскимъ провинціямъ, приобрѣтеніемъ которыхъ онъ такъ дорожилъ?

Проѣзжая чрезъ Митаву на обратномъ пути изъ-за границы (1709), Петръ былъ встрѣченъ тамъ съ большимъ торжествомъ; онъ съ своей стороны былъ ласковъ, привѣтливъ съ тамошнимъ дворянствомъ, и открылся нѣкоторымъ изъ вліятельнѣйшихъ людей, что между имъ и прусскимъ королемъ предположено устроить брачный союзъ молодого герцога Фридриха-Вильгельма (1) съ одною изъ русскихъ царевенъ, обѣщая дать за нею хорошее приданое.

Предположеніе это было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно для Курляндіи: оно обезпечивало ей покровительство Пруссіи и Россіи,—покровительство тѣмъ болѣе нужное и полезное, чѣмъ чувствительнѣе становилось разобщеніе между герцогствомъ и рѣчью посполитою. По этому, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, два курляндскіе депутата отправились въ Петербургъ и заключили тамъ договоръ о «маріажѣ» молодого герцога съ царевной Анной Іоанновной. Царь давалъ за нею двѣсти тысячъ рублей, которые предположено было обратить на выкупъ заложенныхъ герцогскихъ имѣній, но съ тѣмъ однакожъ, чтобъ эти имѣнія служили въ свою очередь герцогинѣ залогомъ и обезпеченіемъ сдѣланнаго у ней займа. Въ случаѣ смерти герцога, вдовѣ его была выговорена ежегодная пенсія въ сорокъ тысячъ руб-

(1) Онъ былъ родной племянникъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма II.

лей (1). Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ и герцогъ Фридрихъ, прекрасный юноша, только что окончившій свое воспитаніе въ германскихъ университетахъ, и 31 октября 1710 года, было совершено, съ «зѣлобольшимъ увеселеніемъ», бракосочетаніе. Молодые провели въ Петербургѣ два мѣсяца, а въ началѣ слѣдующаго (1711) года выѣхали въ Курляндію; но страшная въ то время болѣзнь, оспа, приключилась герцогу на второй станціи отъ Петербурга, и въ нѣсколько дней свела его въ могилу.

Узнавъ о смерти Фридриха, его дядя, бывшій администраторъ, немедленно объявилъ о вступленіи своемъ въ управленіе герцогствомъ, и не замедлилъ исходатайствовать себѣ утвержденіе въ этомъ званіи отъ польскаго правительства, котораго онъ былъ, какъ сказано, вѣрнѣйшимъ приверженцемъ. Посредствомъ его, Польша надѣялась возстановить свое вліяніе въ Курляндіи, но вліяніе тамъ Россіи уже было трудно истребить. Заемъ, сдѣланный у герцогини, и уплата ей вдовьяго пенсіона, были всегда готовымъ средствомъ дать его почувствовать. Оберраты, тяготясь выплачивать и эту пенсію и проценты по займу, предложили герцогинѣ самой вступить въ управленіе дворцовыми имѣніями; она согласилась, и для помощи ей въ этомъ дѣлѣ, былъ присланъ тайный совѣтникъ, Бестужевъ-Рюминъ (2), съ званіемъ ея гофмейстера, и съ обязанностію русскаго резидента при ея дворѣ. Такимъ образомъ, когда политическіе виды того требовали, немедленно былъ поднимается вопросъ о заложенныхъ имѣніяхъ. Въ 1712 году, Петръ приказывалъ Бестужеву настойчиво взыскивать вдовье содержаніе герцогини, а въ случаѣ неуплаты поставить въ ея имѣніи *эзекуцію* изъ русскихъ войскъ (3). Въ 1716 году царь писалъ тому же Бестужеву: «Слышно, что шляхта собирается выбирать себѣ новаго князя (герцога); того ради, и ежели сіе будетъ, за-разъ нарочитымъ изъ нихъ (дворянъ) за секретъ объявить, чтобъ они были согласны съ нами, яко бли-

(1) Договоръ этотъ подписанъ Меншиковымъ, Шафировымъ, У. Е. Ренне и Л. Лау. Меншиковъ подписался: «Его *императорскаго* величества д. т. совѣтникъ» и пр. а въ самомъ текстѣ договора прописано: «объявляемъ мы, его *императорскаго* величества полномочные именемъ нашего всемилостивѣйшаго *императора*» и пр. Это кажется первый актъ, въ которомъ Петръ титулуется императоромъ. См. *Полн. Собр. Зак.* т. IV. № 2272.

(2) Отецъ будущаго канцлера Елизаветы Петровны.

(3) *Дѣла Петра В.* т. IV, 113 и 147. Т. V, 156, изд. 1788 г.

жайшими сосѣдами, и никого не назначали, но первѣ съ нами снеслись бы, кого хотятъ.»

Этихъ двухъ указаній достаточно, чтобы понять, какіе успѣхи уже сдѣлало русское вліяніе въ Курляндіи съ 1703 года, то-есть со времени перваго появленія нашего тамъ. Администраторъ, своею непопулярностію, вопреки собственному желанію, служилъ русскимъ интересамъ; ибо общая непріязнь къ нему переходила и на правительство, его постановившее. Размолвки дворянства съ нимъ были безпрестанныя. Для разсмотрѣнія и предотвращенія ихъ, въ 1716 году, была прислана изъ Варшавы особая коммиссія, и хотя она въ большей части жалобъ Курляндцевъ дала имъ удовлетвореніе, но самое вмѣшательство во внутреннія дѣла герцогства показали курляндскимъ патріотамъ посягательствомъ на ихъ права (1), и тѣмъ сильнѣе почувствовали они желаніе имѣть герцога, который не подавалъ бы повода къ постороннему вмѣшательству въ домашнія ихъ дѣла.

Желаніе это съ каждымъ днемъ дѣлалось сильнѣе и повсемѣстнѣе въ Курляндіи. Фердинандъ никогда не былъ женатъ, и былъ уже старъ; да и смолоду онъ не подавалъ надежды имѣть когда-нибудь дѣтей; все это, продолжая тягостный *interim*, должно было рано или поздно разрѣшиться возведеніемъ на герцогскій престолъ новой династіи. Такъ разсуждали Курляндцы; но Поляки разсуждали совершенно иначе. Опираясь на букву *pacta subjectionis*, они находили, что договоръ этотъ, будучи заключенъ съ родоначальникомъ Кетлерова дома, терялъ свою силу съ прекращеніемъ этого дома; что въ этомъ договорѣ упоминается только о престолонаслѣдіи въ нисходящей отъ Готгарда Кетлера линіи, и не говорится ни слова о случаѣ, когда эта линія прекратится; почему, толковали польскіе юристы, этотъ случай и долженъ разрѣшиться на общіихъ основаніяхъ феодальнаго права, то-есть ленное владѣніе должно, какъ выморочное, отойти въ непосредственное владѣніе покровительствующей державы.

Такая логика была въ принципѣ своемъ не безъ основанія; но Курляндцы тоже находили опору въ казуистикѣ, и объясняли трактатъ по своему. Тамъ сказано, говорили они, что престолъ герцогскій наслѣдственъ въ мужскомъ поколѣніи Гот-

(1) *Carland etc.* также *Moritz in Russland*, въ *Рижскомъ календарѣ* на 1839 годъ.

гарда Кетлера; это значить только то, что корона не может переходить въ женскія руки, и больше ничего: про запрещеніе же призывать новую династію, въ случаѣ прекращенія старой, нѣтъ ни слова. Притомъ, въ 1639 году, когда, по смерти герцога Фридриха, его братъ Вильгельмъ былъ признанъ неспособнымъ наслѣдовать престолъ, что сдѣлалъ тогда, продолжали курляндскіе юристы, Владиславъ, король Польскій? Онъ предложилъ въ герцоги своего брата: значить, онъ допускалъ законность возведенія на курляндскій престолъ новой династіи. Да и въ настоящее время, почему же по смерти послѣдняго прямого потомка перваго Кетлера, Польша тотчасъ же не предъявляла своихъ правъ на присоединеніе Курляндіи? Почему она допустила быть въ ней герцогомъ лицу изъ боковой линіи? Не доказываетъ ли тотъ и другой случай, что мысль о присоединеніи Курляндіи находится не въ духѣ заключеннаго договора, а въ недавно пробудившемся честолюбіи рѣчи посполитой?.. (1)

Но въ то время, какъ курляндскіе оберъ-раты и варшавскіе сенаторы занимались этою политикой, король Августъ велъ втихомолку съ русскимъ царемъ переговоры о совершенно иномъ предметѣ, а именно о бракосочетаніи вдовствующей герцогини Анны съ членомъ одной изъ боковыхъ Саксонскихъ линій, герцогомъ Саксенъ-Вейсенфельскимъ, который вступилъ бы на курляндскій престолъ со всѣми правами прежнихъ герцоговъ. Какія выгоды предвидѣлъ Петръ отъ этого союза, не легко понять; утвержденіе въ Курляндіи саксонской династіи должно было, казалось бы, дать новую вѣроятность къ утвержденію ея и въ Польшѣ наслѣдственнымъ образомъ, что было совершенно противно постояннымъ видамъ нашей политики. Или, можетъ-быть, дальновидный государь хотѣлъ воспользоваться этимъ, слишкомъ очевидно династическимъ стремленіемъ Августа, чтобы возбудить недовѣрчивость къ нему польской націи, и тѣмъ самымъ устранить его наслѣдника отъ польскаго престола? Въ такомъ случаѣ русскому вліянію не трудно было бы пересилить въ Курляндіи саксонское. Но каковы бы ни были побужденія Петра, онъ горячо принялся за дѣло; Курляндцы тоже охотно приняли

(1) Все это заключается въ документѣ, сообщенномъ нашему двору Бестужевымъ, и который называется: «Разсужденіе о правѣ Курляндцевъ избирать себѣ герцога.»

эту мысль и послали отъ себя депутата ходатайствовать о томъ въ Варшавѣ (1). Но Полякамъ не понравилась эта комбинація, клонившаяся къ усиленію саксонской династіи, и дѣло остановилось. Въ послѣдствіи было много другихъ предположеній между сосѣдственными дворами, касательно устройства судьбы Курляндіи, произошло сближеніе по этому поводу у Россіи съ Пруссіей, и какъ эти предположенія исходили большею частію изъ нашего кабинета, то рука герцогини была во всѣхъ этихъ случаяхъ неразлучна съ герцогскою короной; но всякій разъ встрѣчались обстоятельства, которыя разстраивали расчеты правительствъ, пекшихся о судьбѣ Курляндіи, и герцогиня по прежнему продолжала вдовствовать, герцогъ Фердинандъ править страной изъ-за границы, Курляндцы мечтать о независимости, Поляки желать ихъ присоединенія, наконецъ Августъ дуться на нихъ за то, что они скоро утѣшились въ неудачѣ саксенъ-вейсельфельской кандидатуры.

Между тѣмъ скончался Петръ I. Многое перемѣнилось съ его смертію для Россіи. Усиленное, можетъ-быть чрезмѣрное напряженіе государственной дѣятельности, уступило мѣсто повсюдной апатіи и распущенности; административная машина, казалось, готова была остановиться; что касается до положенія нашего въ средѣ европейскихъ государствъ, то и въ этомъ отношеніи разница сдѣлалась не менѣе чувствительна. Россія была несравненно болѣе обширна, чѣмъ дѣйствительно сильна; половина ея силы состояла въ гениіи ея государя, и когда этой силы не стало, то и политическое ея положеніе не могло не перемѣниться. Курляндскій вопросъ былъ одинъ изъ первыхъ, по которымъ это обнаружилось.

Давно уже доносили наши посланники въ Варшавѣ и Митавѣ, что въ польскомъ правительствѣ зрѣетъ мысль о присоединеніи Курляндіи; а съ другой стороны, что между курляндскимъ дворянствомъ все глубже пускаетъ корни желаніе гражданской, если не политической самостоятельности своего отечества; столкновеніе могло послѣдовать со дня на день; въ виду такихъ обстоятельствъ, надо было Россіи положительнымъ образомъ опредѣлить ходъ своей политики. Для обсу-

(1) Въ *Дьян. Петра В.* (т. V, 387) приведено письмо Петра къ Бестужеву по этому поводу. Въ *Curland* говорится, что курляндскій депутатъ былъ посланъ въ Варшаву, на изживеніи русскаго правительства.